

Слово о полку Игореве

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С48

С48 Слово о полку Игореве / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 56 с.

ISBN 978-5-518-00585-3

ISBN 978-5-518-00585-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

далече залетѣлъ соколъ къ морю, избивая птицъ»! «То не со-
роки застрекотали — по слѣду Игоря ѣдутъ Гзакъ съ Конча-
комъ»). Такое же родство замѣчается и въ отношеніи *содер-
жанія*. Хотя авторъ заявляетъ о своемъ намѣреніи отказаться
отъ вымысленной Бояна и пѣть только «по былинамъ сего
времени», однако почти на каждомъ шагѣ отклоняется отъ
предначертаннаго пути, возвращаясь въ область эпическихъ
традицій или по крайней мѣрѣ вступая съ ними въ компро-
мисъ. Прежде всего онъ расширяетъ значеніе словъ: «сего
времени». Судя по начальнымъ выраженіямъ поэмы, можно бы
думать, что авторъ ограничится современными ему «былинами»,
именно—походомъ Игоря; однако въ слѣдующихъ строкахъ чи-
таемъ: «начнемъ же повѣсть сію отъ стараго Владиміра». Здѣсь
мы видимъ буквальное подражаніе прежнимъ пѣвцамъ. Какъ
Боянъ, воспѣвая подвиги Романа Святославича, «свиваль»,—
по обычаю народныхъ пѣвцовъ — новую быль съ старинными
разсказами и вспоминалъ событія, случившіяся двумя поколѣ-
ніями раньше (при старомъ Ярославѣ и храбромъ Мстиславѣ),
такъ точно и авторъ «Слова» соединяетъ главный предметъ
своего повѣствованія, походъ «нынѣшняго Игоря», съ собы-
тіями дѣдовскихъ временъ (Мономаха и Олега), какъ двѣ по-
ловины («оба полы») одного времени.—Далѣе, Боянъ—также
по обычаю народныхъ пѣвцовъ—«сплеталь» быль съ поэтиче-
скимъ вымысломъ,—наслѣдемъ далекихъ мифическихъ временъ.
И въ «Словѣ о полку Игоревѣ», хотя авторъ заявляетъ о своемъ
намѣреніи оставаться на почвѣ дѣйствительности, («по были-
намъ»), мы встрѣчаемъ и Дѣву-Обиду, и Дива, и вѣщіе сны,
и заклинанія, и одухотворенія природы, и даже имена старин-
ныхъ языческихъ боговъ. На сколько эти отголоски мифиче-
ской поры относятся къ содержанию и на сколько къ формѣ,
придаетъ ли имъ авторъ какое-нибудь реальное значеніе или
смотритъ какъ на вымыслы фантазіи, удобные для воплощенія
поэтическихъ образовъ,—рѣшить конечно трудно. Но во вся-
комъ случаѣ для насъ важенъ тотъ фактъ, что фантастическая

сторона «Слова» всецѣло имѣетъ своимъ источникомъ народную поэзію.

Такимъ образомъ мы видимъ, что не только по языку, но и по характеру содержанія «Слово о полку Игоревѣ» стоитъ весьма близко къ произведеніямъ народнаго эпоса; но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что между этою поэмою и твореніями безыскусственной поэзіи лежитъ весьма ощутимое различіе.

Въ *языкъ* «Слова» на ряду съ выраженіями народными можно встрѣтить и книжныя, принадлежавшія литературному языку той эпохи; напр. «не лѣпо ли ны башеть», «трудныя повѣсти», «иже и стягну умъ крѣпостью и поостри сердца своего мужествомъ», «вельми рано» и др. Вообще весь синтаксическій строй рѣчи то напоминаетъ собою безыскусственное, свободное сочетаніе словъ, свойственное народнымъ произведеніямъ, то обличаетъ руку литературно-образованнаго автора, привыкшаго соединять предложенія въ правильно построенные періоды (напр. «помняпеть бо... Святославичу»; «почнемъ же... землю Русскую»). Тоже самое надо сказать о ритмѣ. Очевидно, что и въ этомъ отношеніи авторъ колебался между старыми приемами и новыми условіями поэзіи. Произведенія народныя и бояновскія были «пѣснями» въ полномъ смыслѣ: они дѣйствительно пѣлись съ музыкальнымъ аккомпаниментомъ («вещіе персты на живыя струны»), и потому весьма естественно, что, подчиняясь музыкальному такту, принимали правильный ритмическій размѣръ. «Слово о полку Игоревѣ» — не пѣсня, а литературная поэма, и выраженія автора «пѣснь», «пѣвше» надо понимать не иначе какъ въ символическомъ значеніи. Не будучи пѣснею, «Слово» не нуждалось въ ритмѣ; дѣйствительно: большая часть этого произведенія написана простою, хотя плавною и благозвучною прозою. Однако по временамъ авторъ вспоминаетъ старинныя приемы народно-бояновской поэзіи, и тогда плавность рѣчи доходитъ до степени почти правильнаго стихотворнаго размѣра. Напр.

«Подъ трубами повити, подъ шеломи взделъяли;
 «Бонецъ кошыя вскормлени.
 «Пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми;
 «Луци у нихъ напряжени, тули отворени,
 «Сабли изострени. Или:
 «Что ми шумить,
 «Что ми звѣнять
 «Далеча рано
 «Предъ зорями?

Обращаясь къ *содержанію* «Слова», легко замѣтить, что личность автора выразилась:

Во-первыхъ—въ художественной обработкѣ матеріала, достигающей такой высокой степени совершенства, какую трудно встрѣтить въ народной, безыскусственной поэзіи. Каждый образъ очерченъ ярко, живо, изящно; всѣ части поэмы, не смотря на ея эпизодичность, слагаются въ художественно-стройное цѣлое. Многие изслѣдователи этой поэмы, удивляясь ея техническимъ достоинствамъ, допускаютъ даже предположеніе, что авторъ знакомъ былъ съ классическими произведеніями древности,—если не въ подлинномъ видѣ, то по крайней мѣрѣ въ переработкѣ *).

Во-вторыхъ—въ субъективномъ отношеніи къ предмету повѣствованія. Хотя въ основѣ поэмы положена идея общая большей части произведеній народнаго эпоса, т. е. борьба съ внѣшними врагами, однако съ этой общей идеей искусно сплетена другая, болѣе частная, если и не составлявшая исключительную собственность автора, то во всякомъ случаѣ жившая въ умахъ только лучшихъ («смысленныхъ») людей того времени. Это—идея «единой Русской земли, управляемой единою главою». Съ точки зрѣнія этой субъективной идеи авторъ смотритъ на событія и на лица: походъ на Половцевъ не удался

*) Этимъ знакомствомъ объясняютъ между прочимъ не только общее построеніе поэмы, но и нѣкоторыя частности, напр., обращеніе къ Бояну, напоминающее гомеровское воззваніе къ музѣ.

потому, что въ князьяхъ не было единодушiя («вы не выждали...»); успѣхъ половецкаго набѣга объясняется опять-таки раздоромъ князей («рекоста бо братъ брату...»); идеаль авторъ не Игорь и не Всеволодъ,—богатыри въ духѣ народнаго эпоса,— а старшй Владимiръ Мономахъ, нѣкогда правившй всею Русью съ высоты Кiевскихъ горъ и державшй въ своихъ рукахъ всѣ «стяги» Русскихъ дружинъ.

Разсмотрѣвши отношенiе «Слова» къ народному эпосу, можно придти къ заключенiю, что этотъ памятникъ выросъ— такъ сказать—совершенно естественно на почвѣ національной поэзи, имѣя своимъ предшественникомъ дружинное сказанiе въ бояновскомъ духѣ. Слѣдовательно, съ этой стороны наша поэма не можетъ считаться необъяснимымъ, загадочнымъ явленiемъ. Остается еще другой вопросъ: если «Слово» явилось какъ естественный продуктъ литературнаго развитiя, то можно ли допустить, что оно осталось единичнымъ фактомъ и въ свое время и въ послѣдующее? Вполнѣ разъяснить этотъ вопросъ невозможно по той причинѣ, что отъ древнихъ, до-татарскихъ временъ вообще сохранилось весьма немногo памятниковъ, и даже самое «Слово» дошло до насъ благодаря счастливой случайности. Нѣтъ однако никакихъ основанiй отрицать предположенiе, что при тѣхъ благопрiятныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ явилось одно, извѣстное намъ, поэтическое произведенiе, могли появиться и другiя, впоследствии не пощаженыя временемъ. Это предположенiе становится еще болѣе вѣроятнымъ, когда мы припомнимъ, что въ эпоху позднѣйшую, отъ которой сохранилось сравнительно больше литературныхъ произведенiй, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ памятниковъ, составители которыхъ очевидно шли по пути, указанному авторомъ «Слова», т. е. болѣе или менѣе строго держались «былинъ своего времени». Это такъ называемыя «украшенные повѣсти». Они, конечно, не имѣютъ и тѣни того художественнаго достоинства, какимъ запечатлѣно «Слово»; но это обстоятельство зависѣло уже отъ причинъ историческихъ, и главнымъ образомъ отъ того, что составители этихъ риторически-украшенныхъ

повѣстей не могли—подобно автору «Слова» — питаться «старыми словами» народной поэзіи. Любопытно, что одна изъ украшенныхъ повѣстей («Задонщина») явно подражаетъ нашей знаменитой поэмѣ.

«Слово о полку Игоревѣ» найдено въ 1795 году гр. Мусинымъ-Пушкинымъ. «До обращенія Спасо-Ярославскаго монастыря въ архіерейскій домъ—разсказываетъ гр. Мусинъ-Пушкинъ — управлялъ онымъ архимандритъ Іоиль, мужъ съ просвѣщеніемъ и любитель словесности; по уничтоженіи штата остался онъ въ томъ монастырѣ до смерти своей. Въ послѣдніе годы находился онъ въ недостаткѣ, а по тому случаю комиссіонеръ мой купилъ у него всѣ русскія книги, въ числѣ коихъ въ одной, подъ № 322, подъ названіемъ Хронографъ, въ концѣ найдено «Слово о полку Игоревѣ» *).

Въ 1800 году гр. Мусинъ-Пушкинъ при содѣйствіи Малиновскаго и Бантышъ-Каменскаго напечаталъ этотъ памятникъ, а въ 1812 году, во время московскаго пожара, подлинная рукопись погибла. Осталась только копія съ нея, сдѣланная для императрицы Екатерины II, нѣсколько отличная отъ печатной редакціи **).

Мы не имѣемъ прямыхъ указаній, кѣмъ и когда написано «Слово», и къ какому времени относится рукопись, найденная гр. Мусинымъ-Пушкинымъ. Отвѣчать на эти вопросы можно только предположеніями. Весь тонъ поэмы, исключительно интересующейся мірскими дѣлами, близость ея къ народной полуязыческой поэзіи и отсутствіе духовно-нравственныхъ поученій заставляютъ думать, что авторъ «Слова» былъ лицо свѣтское,— всего вѣроятнѣе дружинникъ, потому что между свѣтскими людьми того времени только въ сословіи дружинниковъ могъ найтись человекъ съ книжнымъ просвѣщеніемъ. А лирическое одушевленіе, которымъ проникнута вся поэма, можетъ служить

*) Письмо къ Калайдовичу отъ 1813 года.

***) Издана Пекарскимъ. З. А. Н. V т. 1864 г.

основательнымъ доказательствомъ въ пользу того мнѣнія, что она принадлежитъ перу современника и даже очевидца изображаемыхъ событій. На современность автора указываютъ также выраженія: «сего времени», «нынѣшняго Игоря». Найденный гр. Мусинымъ-Пушкинымъ списокъ «Слова» первые издатели относили ко XIV вѣку. Такъ какъ рукопись сгорѣла, то вопросъ о ея древности могъ быть провѣренъ только окольными путями. Принявъ во вниманіе отзывы лицъ, видѣвшихъ эту рукопись, орфографію памятника и ошибки, допущенныя при чтеніи первыми издателями, новѣйшіе изслѣдователи «Слова» (г.г. Тихонравовъ и Барсовъ) полагаютъ, что рукопись, найденная гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, не старше XVI вѣка. Если допустить справедливость такого мнѣнія, то становится весьма вѣроятнымъ, что этотъ памятникъ достался гр. Мусину-Пушкину уже въ нѣсколько искаженномъ видѣ. Первые же издатели не только не были въ состояніи исправить ошибки старинныхъ переписчиковъ, но даже не могли вѣрно прочесть бывшую въ ихъ рукахъ рукопись. Трудями многихъ изслѣдователей текстъ «Слова» въ значительной мѣрѣ очищенъ отъ искаженій; однако и до сихъ поръ нѣкоторые мѣста остаются невозстановленными.

Назначеніе нашего изданія исключительно учебное. Для редакціи текста и объясненій къ нему мы пользовались трудами г.г. Буслаева, Тихонравова, Потемни, Барсова *) и отчасти другихъ изслѣдователей «Слова». Лично намъ принадлежитъ весьма небольшое. Главнѣйшія измѣненія текста, допущенныя нами по собственному усмотрѣнію, состоятъ въ слѣдующемъ:

*) *Буслаевъ*: „Истор. христ. церк. слав. и др. рус. яз. 1861 г.

Тихонравовъ: „Слово о полку Игоревѣ“. 2 изд. 1868 г.

Потемни: „Слово о полку Игоревѣ“. 1878 г.

Барсова: „Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Киевской дружинной Руси“. I т. 1887 г. II т. 1895 г. III т. 1890 г. (не окончено).

1) Разсказъ о солнечномъ затмѣнїи мы считаемъ болѣе удобнымъ помѣстить послѣ рѣчи Всеволода; посредствомъ такой перестановки восстанавливается—по нашему мнѣнїю—последовательность изложенїя и единство вступленїя.

2) Изложеніе поэмы мы начинаемъ со словъ: «Комони ржутъ за Сулою...»; такимъ образомъ признаемъ только одинъ обращикъ бояновскаго пѣснопѣнїя, а не два.

3) Въмѣсто «*домо* ночь меркнетъ» читаемъ: «*дома* ночь меркнетъ».

4) «Копця поють» мы относимъ къ предыдущему предложенїю, а плачь Ярославны начинаемъ такъ: «На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышится...». Такая перестановка согласуется съ дальнѣйшими словами («полечу-рече-зегзицею по Дунаеви»...) и устраняетъ трудно понимаемое выраженїе: «копця поють на Дунаи».

Остальныя поправки относятся къ менѣе важнымъ измѣненїямъ пунктуаціи.

Въ общей редакціи текста мы слѣдовали первому изданїю (гр. Мусина-Пушкина 1880 года), свѣряя его съ копїей, сдѣланной для императрицы Екатерины II. Всякое отступленїе обозначено въ выноскѣ.

В. Я.

С Л О В О

о плѣку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Олгова.

I. ВСТУПЛЕНІЕ.

Предметъ и характеръ повѣи: авторъ выражаетъ намѣреніе воспѣть походы Игоря старымъ складомъ, не увлекаясь однако—подобно Бояну—вымыслами фантазіи.

Не лѣпо ли ны башеть, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о плѣку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню.

Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по землі, шизымъ орломъ подь облакы. Помняшеть бо—рече *)—първыхъ временъ усобицы, тогда пуцашеть ꙗ соколовъ на стадо лебедѣй: который дотечаше, та преди пѣснь б) пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ плыки Касожьскими, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не ꙗ соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскадаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже и стягну в) умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ и д), наплѣнився ратнаго духа, наведе своя храбрія плѣкы на землю Половѣцкую за землю Руськую.

О, Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плѣкы ущеко-талъ, скача славіемъ е) по мыслену древу, летая орломъ ж) подь облакы,

а) речъ. б) пѣснь. в) стягну. д) нѣтъ ч. е) славію. ф) умоу.

свивая славою *) оба поля сего времени! Рица въ тропу Бояню б) чресь поля на горы, пѣти было пѣснь Игореву того внуку: «Не, буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому!» Чили въспѣти было, вѣщей Бояню, Велесовъ внуце:

II. Изложение.

1) *До похода:* а) сборы въ походъ, б) свиданіе со Всеволодомъ, в) солнечное затмѣніе.

2) *Во время похода:* а) вловѣція предзнаменованія ночью, б) развѣтъ, в) побѣда надъ Половцами, д) поражение (эпизодъ о крамолахъ Олега Гориславича).

3) *Послѣ похода:* а) бѣдствія Русской земли, какъ результатъ неудачнаго похода: распри князей и нападеніе Половцевъ, б) сонъ Святослава, истолкованіе сна и «золотое слово» Святослава, в) обращеніе къ князьямъ (эпизоды объ Ивяславѣ и Всеславѣ), д) плачь Ярославны, е) бѣгство Игоря изъ плѣна.

1. а) Комони ржутъ за Суздю; звенить слава въ Киевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода...

1. б) И рече ему буй-туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю! оба есвѣ Святъславича. Сѣдлай, брате, свои брѣзны комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми кѣмети ^{о)}: подъ трубами повити, подъ шелома въагѣлѣяни, конецъ копія въскрѣмлени; пути имъ ^{д)} вѣдоми, яруги имъ знаеми; луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изьострени; сами скачють аки сѣрыи влѣци въ полѣ, ишучи себе чти, а князю славы ^{е)}!»

1. в) Тогда Игорь въарѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братіе и дружино! лудежъ бы потяту быти, неже полонену быти! А всядемъ, братіе, на свои брѣзны комони, да позримъ синего Дону!» Спала князю умъ похоти ^{г)}, и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго. «Хощу бо, рече, копіе приломити вонецъ поля Половецкаго; съ вами, Русци, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону!»

2. а) Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремянь и повѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступае; ноцъ сто-

а) славы. б) Трояню. в) къ мети. д) имъ. е) слава. г) похоти.